

ТЕБЯ В ВЕКАХ НАРОДУ ВОССЛАВЛЯТЬ, ТЫ—ГЕРОИНЯ, ТРУЖЕНИЦА, МАТЬ!

Большевичка

Был всегда, в этот день Ефросинья Билибина вернулась домой поздним вечером и не успела спать, как в дверь кто-то постучал.

— Войдите, — сказала она.

В хату вошла Пелагея Дорофеева, звеневшая ефремовка колхоза «Вперед к коммунизму».

— Только вернулась из Дмитрия...

— Вот хорошо! — перебила Билибина. — Сейчас будем вместе ужинать, — и тут же добавила: — Привыкла всегда к людям, и кушать даже одной спешу... Ну, чего стесняться, развешайся.

На груди звеневшей при свете лампы золотом блеснула медаль «За доблестный труд в Отечественной войне 1941—1945 гг.». Билибина с нескрываемой радостью посмотрела на нее. Как бы в ответ на этот взгляд Пелагея сказала:

— Сегодня медаль получила и вот пришла сказать тебе, Ефросинья Алексеевна, спасибо. Ты мне помогла вырастить высокие урожаи.

— Трудно ты добилась такой большой награды. Вот скажи, как дальше работать будешь?

— Известное дело, еще с большим энтузиазмом. Да похвала есть.

— Какая?

— Наш колхозный председатель Горохов отобрал от зрелых участниц, на каких мы три года трудились. Хотел их разделить поровну между всеми участницами. Земля-то хорошая, потому что мы много удобрили ей дали!

— Горохов неправ. Завтра утром разберемся.

На следующее утро Билибина явилась в колхоз «Вперед к коммунизму» и договорилась с председателем, чтобы за зрелых участниц были оставлены прежние земельные участки.

Березовские колхозники и колхозницы любят и уважают своего председателя ефремовку Ефросинью Билибину. Они заступаются за нее в селоводе и на дому, потому что знают, что всегда найдут у нее помощь. То, что сказала о Билибине Дорофеева, могли бы сказать десятки земляков и в том числе Анна Барнаулова и Александра Нартова. Эти три зрелых участницы в этом году самым высоким урожаем зерновых в колхозе.

Может быть, не было бы столь разительных успехов зрелых участниц, если бы не была председателем отборная работа по восстановлению колхозов сельхоза после изгнания немцев! Все пять колхозов сельхоза основали доволную по-своему инициативу, имеют крупные животноводческие фермы, из года в год производят планы обязательных поставок хлеба государству. Во всем этом — значительная заслуга Ефросиньи Билибиной, как бесценного председателя сельхоза и секретаря территориальной парторганизации после освобождения села.

Приведем здесь лишь один наиболее яркий пример. Еще в позапрошлом году колхоз имени Мотолова был самым отстающим в сельхозе. Но инициатива Билибиной и других колхозов сельхоза воздал на них плодами. Три колхоза дали ему по одной лошади, на посев яровых прошлого года оказали помощь сенажом. Кроме того, была оказана помощь в пахоте полей, ввозе хлеба государству. И этот колхоз поднялся до уровня передовых. В прошлом году он полностью рассчитался с

государством по хлебопоставкам, на трудных колхозниках получили по полнотоннаму зерна.

В селе восстановлены больницы, средняя и начальная школы. По этому малому. Прошлым летом на сельхозполю было принято решение о восстановлении разрушенного здания под квартиры учителей. Билибина добилась выполнения этого решения. К началу учебного года средняя школа получила это уютное здание.

Только в нашей советской стране плодотворно могут развернуться способности женщины, только в нашей стране наравне с мужчинами она может выполнять любую руководящую работу! И думая об этом, Билибина не раз вспоминает свою жизнь, каждый день которой был наполнен борьбой и трудом.

Еще совсем молодой женщиной в 1939 году она вступила в ряды большевистской партии. Тогда она работала зав. избой-читальней села Береза.

— Отныне наша жизнь принадлежит партии и народу, — сказали ей тогда в райкоме.

И когда на нашу страну напали фашисты, когда она подступала к ее родным местам, то уже она сказала в райкоме:

— Куда меня партия пошлет, там я и буду бороться с врагом. Билибину оставили в родном селе для связи с партизанским отрядом.

Почти каждую ночь она слышала три устоявших стука в окно своей хаты. Это приходили партизаны. Они получали от нее разведывательные данные, давали новые поручения.

Однажды в Березу прехлала небольшая группа немцев. Всех людей согнали на скотку. Вместе со всеми пошла и Билибина. Немский переводчик сказал, что каждый из крестьян должен приготовить мешок хлеба и собственноручно написать, что этот хлеб направляется в подарок немской армии.

Люди молчали. И тогда из толпы раздался голос Билибиной:

— Дорогие женщины! Не дадим своему заклятому врагу ни грамма хлеба!

— Не дадим, — глухо прошепело по толпе.

— Расходитесь! — крикнула Билибина.

Люди начали разбегаться в разные стороны.

После этого Билибину пелая было уже оставаться в селе. Ее разбудили гитлеровцы. Она ушла в Дмитриевский партизанский отряд.

В отряде она стала поваром. Но не было у нее ни одной свободной минуты: то стирала белье для партизан, то чинила одежду. А во время переходов ей приходилось тащить на себе: уставшие партизаны ложились спать, а она начинала готовить обед...

Эта женщина не успокаивается и сейчас. У нее зрелые планы, как сделать свое село еще богаче и культурнее. И сама жила, возрасшие потребности колхозников похозяйничать: построить в селе электростанцию и клуб, иметь водопровод и розничный дом, свое кино и радиоаппарат. Над этим сейчас трудится Ефросинья Билибина — простая русская женщина, которая представляет советскую власть на селе.

В. ВОЛИН.

с. Береза.
Дмитриевский район.

Отец Лиды, Светланы и Наташи Гураловых был на фронте, мать умерла. Оставшихся без приюта детей взяла на воспитание Анна Степановна Рункая. (Кировский район г. Курска). На снимке: тов. Рункая со своими воспитанницами Наташей и Светланой. Фото А. Богданчикова.

Три рождения

92 года минуло мне. Почти целый век живу на белом свете. Много пришлось повиждать... Всего и не припомню. Молодость, как и тумане, утонула, будто и не было ее.

Всю семью моей матери колхозной помощник отослал в обмен на какую-то пороховую собаку в Екатеринославскую губернию. Там, в селе Хорошее, и я родилась — тоже крепостной.

Нотом царь дал нам волю. Эх, эта воля-волюшка! Все осталось, как было, только помещики присмирели на самую малость.

Горемычная бабка дала выпала мне. Отдали меня замуж. Ноши дети, один за другим... довели батинские мал-мала меньше... Трудно было, очень трудно. Муж-то мой, Василий Никитич, покойный, не ахти какую должность занимал. Служил он вейсманом в Крестьянском банке. Получал в месяц 16 руб. 75 коп. Один пятак на 11 душ приходилось нам в день. А ведь нужно было детям справиться 9 пар ботинок, 9 рубак и каждому кусок хлеба на каждый день, иметь, а себе... О себе мало думала.

Сами мы с Василием Никитичем научились были. А детки решали хоть маленького грамоте обучить. Последнее гроши тратили. Но только одному удалось реальное училище окончить.

Трудная жизнь была... Благо еще мужежее-то у меня был хороший, помыслил пужу мою. А у соседей, бедняк, придет муж пьяный, и ну жену за косы по чем зря по полу таскает. И она, бедная, принимала это, будто так и надо.

Ничего не видела я за пачкой и корытом. Незаметно дети повзросли, старость согнула мне спину. Дула... и умру, прожить век свой, не уявлю жизни. Ах, нет... Пришла Октябрьская революция. Далеко за 60 мне было, а я будто заново родилась. Тут только я узнала, что женщина тоже человек. Стара я уже была, но с гордостью смотрела, как наши бабы вверх пошли и наравне с мужчинами большими делами заправлять стали.

Стала спокойно за детьми жить. Иногда жалела только, почему перемени эти меня не заставил в молодые годы.

Муж мой героем труда стал. Понемногу жизнь налаживалась. Сравнивала я свое беспробное прошлое с тем, что дала советская власть нам, женщинам, и думала: — вот и моя молодость.

И как зажил! В 49 человек семья собралась и я сделала главой ее после смерти Василия Никитича. Жили все вместе, дружно. Величали меня почетно «председателем нашего колхоза».

Внуки мои учились, всегда были охоты, охоты, сыны. Разоблачался я за своих счастливых внуков и сама счастлива была.

А потом пришла напасть черная. Пришел немцы и губила счастье. Как петром поразуло нашу дружную семью. Больно было и страшно, что возвратится старое. Но чужая земля — не долго хозяйничать завоеван на нашей земле.

Прожили немцы. Как в третий раз появилась на свет я. А тут особенно уважать и с почетом относиться ко мне стали. Дали орден «Материнская слава» и степен за то, что 9 детей вырастила. И заслуженным человеком стала.

Когда выборы были, я не стала дожидаться, чтобы за мной приехали, и пошла сама голосовать. Я за партию большевистскую проголосовала, за Сталина, за советских женщин.

Много мне лет уже, но, кажется, мало жила я и жить еще хочется.

П. А. СОФРОНОВА.

г. Курск.

Нина

Морозный февральский вечер 1943 года. Майор Рункицкий, заместитель командира по политической артиллерийского дивизиона, стоявшего в селе Букреевка, близ Курска, принимает посетителя. Майор сидит у стола. Тусклый свет лампы падает на его лицо. Опершись подбородком на руку, майор внимательно смотрит на сидящую против него маленькую седую старушку.

— Тяжело мне прожить вас, товарищ начальник... Шестеро у меня на фронте: четыре сына, дочь старшая, с мужем. На лице старушки выступают розовые пятна. — Нина у меня — последняя, — говорит она, волнуясь, — но что надеяться? Начнет девочка, упрямая, говорит, начальница, чтобы издала меня в дивизион. Сама просила — отказал, может тебя послужит: ты — мать. Больно мне это делать, сами понимаете, но... Пусть и последняя моя дочка поможет Красной Армии, на фронте каждый человек дорог.

Командир мягко прерывает возмущенную мать. Он подходит к Меланье Терентьевне, крепко жмет ее маленькую сухую руку.

— Спасибо, родная, и за дочь и за слова ваши.

На рассвете дивизион уходил из Букреевки. На одной из машин сидела в красной армейской форме Нина Букреева. Глаза ее сияли, хотя она только что горько рыдала, обнимая мать.

— Вернусь, мамочка! Жду... Вернусь.

Старушка превозмужала взглядом дочь, пока машина не скрылась за поворотом. «Только бы жива осталась», — шептала бескровные губы.

Для Нины настали дни военной учебы. Один из них были очень трудными, другие полегче. Но и те и другие делала быстро, беззаветно. Через три месяца Нина получила звание ефрейтора артиллерийской службы. Вторая радость. Бюро комсомольской организации восстановило ее в комсомоле.

Дивизион с боями прокатился на юг. Давно позади остался родной Курск, потом Харьков. Пропили украинские степи, поля боя. На груди Нины Букреевой алел

орден Красной Звезды, полученный в боях за Харьков. Как хотелось Нине показать его матери.

Команда танка, в которой состояла Нина, была дружной, крепкой семьей, а командир ее — Александр Капшин — верным, надежным товарищем. С его помощью Нина освоила сложное дело танкиста и стала водителем и наводчиком. В перерывах между боями и учебной работой бойцы танка, писала письма на родину. Чуждые, далекие и пропитанные слезами слова умело находили эту суровую на вид, решительная танкистка.

За Киевским дивизионом пришлось пережить один из самых тяжелых моментов боевой жизни. Артиллерия дала было задание разгромить сильное укрепление, возмездие немцам на той стороне Днепра. Танковая часть должна была прорвать центр укрепления и выйти на соединение с другой частью, чтобы взять немцев в кольцо. Нина была головной танка.

Огонь немецких орудий был ожесточенным. Бой еще не кончился. А в машине остались живыми только двое: командир и водитель. Водитель занял место наводчика, командир велел танк. Вот оно, полет грома, слева вражеское чудовище с крестом на борту. «Не уйдем!» — шепчет с ненавистью Нина, лавочка на вражескую машину орудие. И третий снаряд поднимает ее. Наблюдавший в это время с близкого расстояния пуленаты пуленаты командир дивизиона увидел: головной танк Капшина показавшись на вершине вражеского укрепления. За ним второй, третий.

Гром немецких орудий уже умолк. С криком «ура» послес вперёд советская пехота. Немцы отступили.

Из головного танка выскочили троих убитых. За ними — двух раненых: Нину и Капшина.

Через несколько дней Капшин умер. Через смертью он сказал Нине: «Я умру, ты должна замешать меня».

Выполнила ли Нина завет друга? Об этом говорит три орена на груди и лейтенантские нашивки, полученные за тяжелый боевой путь до Берлина.

М. КУБЕРСКАЯ.

Мой путь в науку

Три десятилетия назад, на Стенологических женских курсах я впервые познакомилась с гистологией — наукой о тончайшем строении организма животных и человека. Уже первые лекции талантливого, тогда еще молодого, профессора Немикова показали мне, что эта наука дает многое для понимания жизни организма, для управления происходящими в нем процессами.

С каждым днем я все больше увлекалась гистологией. Любая человеческая клетка, ткань или орган, со строением которых я зналась, буквально оживали перед глазами. К концу учебного года я твердо решила специализироваться в области гистологии и принимала горячее участие в работе кафедры, сначала как лаборантка, затем как помощница профессора в проведении практических занятий.

Через год, однако, учебу пришлось прервать, чтобы работать в материально поддерживать стариков-родителей. За 4 года я переменила много специальностей: была медсестрой в госпитале, санитаркой в детском доме, воспитательницей в детдоме. И все это время, каждый день меня не оставяла мысль об учебе, о главной цели жизни, которую я уже тогда решила посвятить науке. Осенью 1919 года я вернулась в институт и вскоре его окончила. Мне предложили место ассистента по кафедре гистологии.

Суровое время переживала в родном Ленинграде голодом. В городе не было света, топлива, воды. А жизнь, кипучая, молодая советская жизнь, разветвлялась вокруг. Аудиторный оставшийся учебных заведений наполнила студенческая молодежь. Широкая перспектива открылась ей Великая Октябрьская социалистическая революция. Это помогло изрешетить все туги суровой жизни, рождало необычайный энтузиазм.

Первые годы советской власти... Нас, научных работников, невольно увлекала огромная жажда знаний, которую проявляла рабочая молодежь. Хотя посещения лекций и были тогда обязательными для студентов, аудитория была всегда переполнена. На долгие часы лекции, которые мы устраивали для оставшихся студентов, приходили все.

В 1922 году жизнь в стране стала входить в нормальную колею, и мы получили возможность возобновить исследовательскую работу. Возвращение молодежи — это ли не замечательная проблема для ученого! Она увлекала меня, заставляла заниматься разнообразными вопросами биологии, физиологии и патологического строения и деятельности молочных желез.

После длительных исследований я написала книгу «Биология молочных желез», в которой изложила последние данные о строении и функциях этого важного органа.

Проблемой биологии размножения, всесторонним изучением организма и органов мы занимались в течение многих лет и после, уже в Ленинградском университете. Например, мы разработали совершенно новую, оригинальную методику для прижизненного исследования важных органов. Накауне войны я написала докторскую диссертацию, защитив которую, с сожалением, не удалось.

Я всегда стремилась быть не только ученым-исследователем, но и пропагандистом научных знаний. Страстное желание сделать их доступными для народа привлекло меня к популяризаторской работе. Я писала брошюры, вы-

ступала со статьями в газетах и журналах. Прочла много лекций на разные темы на заводах, в колхозах, а за последнее время — в воинских частях.

Научную работу мы не прекращали и в годы войны и в дни блокады Ленинграда.

Начало сентября 1941 года. Бомбардировки летят часами. Рухнувшие прекрасные здания, лучшие творения зодчества, гибнут люди. Но сознание, что враг у ворот города, что мы в смертельной схватке с коварным, похитило непреклонное упорство. Каждый из ленинградцев, выбравшись из сил, во что бы то ни стало хотел работать на своем посту как можно лучше. В этом мы видели священный долг перед Родиной.

В университете продолжались занятия. Студенты внимательно слушали лекции. Научные работники выполняли важные оборонные задания. Наблюдение влосе кругосуточном. А в госпитали прибывали все новые и новые партии раненых. Помощь требовалась немедленно и там. И вот студенты идут в госпитали медсестрами и санитарками, а мы, кто постарше — врачам, лаборантам клинических лабораторий.

Ноябрь, декабрь... 30-градусные морозы. Бомбардировки сменяются ужаснейшими артобстрелами. Наступило самое страшное — голод. Ленинград замер. Часами не слышно ни звука. Как тогда, бредут шатающиеся от истощения люди. Молчаливые, грелашные очереди за хлебом: 125 граммов в сутки.

И все же в заморозках аудитория университета теплится жизнь. Мы едим жесткую проле-ливали шестидесятилетний путь от дома до университета. Мы не могли не идти. В университете нас ждали студенты.

Голодная смерть выпрывает из наших рядов одного за другим товарищей.

Кабинет профессора — единственная комната, где температура была выше нуля — превратилась в большую палату. В ней ждали обессиленные, умиротворенные люди. А рядом продолжали читать лекции, вели практические занятия со студентами. 2 февраля не стало профессора Немикова. От дружного коллектива кафедры остались я одна. В конце марта с целой группой университетских товарищей пришлось оставить родной Ленинград.

В Саратове нам помогли восстановить здоровье и силы, и осенью я вновь вернулась к творческому труду. В нейру «Хирургическом госпитале вместе с другими физиологами и изучала изменения в кровеносных капиллярах, вызванные ранениями периферических нервов.

За полтора года накопились интересные данные. Они опубликованы в отдельных статьях и в комплексных работах группы физиологов.

Сейчас я заведу кафедрой гистологии в Курском медицинском институте. Несмотря на все пережитое, я чувствую достаточно сил для полной творческой работы. Хотелось передать молодежи все свои знания, опыт, любовь к науке, к той науке, о которой говорил Сталин, перекоторой темень, как никогда, открылись широчайшие светлые горизонты.

Ирина РИХТЕР, зав. кафедрой гистологии Курского медицинского института, кандидат биологических наук.

Доля солдатки нынче иная...

Почему, провожала мужа на фронт 3 июля 1941 года, не удержалась и горько заплакала. Мне казалось, что, оставшись одна с детьми, я никак не смогу наладить жизнь, и мне будет очень плохо. И тогда муж сказал мне хорошие, навсегда запомнившиеся слова: «Тебе на помощь придет партия. Каждый коммунист тебе поможет».

В том же 1941 году муж погиб в одном из боев на Смоленском направлении. Немцы подошли к Курску, а меня свалила в постель тяжелая болезнь. Не перескажешь, что пришлось пережить с детьми во время оккупации.

Пот Красная Армия вступила в город. Я была в этот незабываемый день вместе со всеми на улицах, и мне казалось, что многое сразу должно измениться в моей судьбе, что-то случится обязательно радостное, хорошее. И, правда, начальники управления легкой промышленности коммунист Вершинин позвал меня к себе, предложил пойти вернуться на прежнюю работу. Первыми его словами были: «Ну, Смирнова, давай наладивать дело». Тов. Вершинин расспросил о моих пужах и тут же помог обувью и одеждой для ребят.

В 1943 году управление легкой промышленности откомандировало меня на завод «Текстильмаш». Сначала работа там показалась мне очень сложной. Я не знала даже с чего начать. Директору завода тов. Гороховскому пришлось

долго меня учить, пока я основательно не освоилась на новом месте. Скоро я стала квалифицированным работником. И меня радуется теперь, что вместе с ростом завода расту и я, радуюсь служащая. Коллектив наш дружный, сплоченный, и среди рабочих, не хватаясь, скажу, я пользуюсь уважением.

Сын мой все время мечтал стать летчиком. Секретарь обкома ВКП(б) тов. Доронин, к которому я обратилась с письмом, принял все меры, чтобы помочь ему осуществить свою мечту. Но Валерия повзрослело зрение: в школу его не приняли. Мамынькин очень огорчился. Но и тут помогли товарищи-коммунисты. Старший техник аэрокрома тов. Воздвиженский сказал сыну: «Ничего, Валерий все устроишь, не горюй». Сын стал работать исполняющим обязанности техника, а потом его направили на учебу в Киев в школу борт-механиков тяжелых кораблей. Я уверена, что сын вырастет достойным своего отца коммуниста.

М. СМЕРНОВА, гл. бухгалтер завода Сельхозмаш.

Из тьмы к свету

5 октября 1942 г. Отчетливо пошло этот день.

Все, что было до этого в страшные месяцы хозяйничанья немцев: допросы, угрозы, побои, — все это казалось мне не таким ужасным в сравнении с тем, что надвигалось сейчас.

С шестимесячным ребенком на руках я стою перед насех сколоченной трибуны вместе с тысячей других, пригнанных на «митинг» перед отправкой в Германию.

«Счастливицы», — расшаривается перед нами «председатель» городской управы. — Вы едете в Германию работать».

А через несколько часов от станции Белгород отошел поезд. В вагоны закрытых товарных вагонов, по 40—50 человек в каждом, нас отправили в Германию.

Первая остановка была в Харькове. Под коновом двух полицейских привели в детский дом; здесь я оставила сына, а на руки получила бумажку с именем и фамилией Толки. Только мать может понять боль и страдание, которые испытывала я. Сердце мое вало в маленькую сыну, к родной земле, а поезд все дальше и дальше уводил от них.

Через 8 дней нас привезли в

распределительный лагерь. Серые длинные бараки за колонией проволочной. Науренные, еле передвигавшиеся ноги люди с нашивкой на рукаве «ост» или выкапывать мерзлую картошку и бурлак, чтобы не умереть с голода. Но и это было запрещено, немецкие полиция безжалостно расстреливали всех, кто заставляли в поле.

Каждый день президиал в лагерь предприниматели: из выстроившихся перед ними измученных голодных людей они выбирали наиболее здоровых, платили 10 марок за каждого и увозили на фабрику. Немских фрау, приехавших за рабынями, сопровождали врачи.

Я попала на фабрику Маркуса, расположенную в центре Берлина, на Монументен-штрассе 33/35.

Рабочий день начинался рано: нужно было до 7 утра пройти 15 километров, которые отделяли барак от фабрики. Иногда нас сажали в электричку, чтобы скорее доставить на работу, но фрау не хотели ехать вместе с русскими женщинами, и часто озлобленная немская дама выталкивала какую-либо девушку на полном ходу поезда.

Неспящий труд погубил мое здоровье. Однажды, потеряв сознание, я свалилась на пол. Препила в себя от резкого удара ногой в живот. Мастер-немец гремко кричал, что я не хочу работать.

А через несколько дней меня отправили в лагерь на вторую, уже тяжелую операцию.

Как-то раз доведенная до отчаяния, я резко сказала мастеру: — Все грязь возит русские, а вы фрау едите, кофе пьют.

За эти слова мастер забил меня и отправил в тюрьму. Меня обвинили в том, что не хочу работать и пошла на рукаве отключительный знак рабыни — черный крест на желтом куске полотна.

Два месяца... Беспрерывные допросы, тяжелая не по силам работа и все те же неизменные запредельные корки.

Перед выходом из тюрьмы меня, как и всех других, избили, повесили на шею на железной цепочке номер и сфотографировали.

Зима 1944—1945 гг. Беспощаднее стали мастера, чаще немки стали собираться вместе, читали газеты, о чем-то громко и тревожно кричали. С большой извешью глядели они теперь на нас — рус-

ских пленниц. Если раньше они не разговаривали с нами, то теперь старались при всяком случае толкнуть, ударить.

Взбешенные немцы не знали куда броситься: в любой злобе они расстреливали всех, попадавших им на глаза.

И вот однажды в окопах мы услышали свои — русские голоса. Это было 25 апреля 1945 г. «За родину!» «За Сталина!»

Наш! Свои! Родные! Бросались мы к ним. Не ворим, что видели дорогие, близкие лица.

Много было несправедливостей, что отняли у нас здоровье. Многие пленницы, особенно молодые Красной Армией, ушли в ее ряды метить за страшные годы немецкой неволи.

Никогда я не забуду ни серых страшных барак, ни побоев, ни номера на цепочке, никогда не прощу немцам ни отнятого ребенка, ни потерянного здоровья. Странно подумать, что в 22 года я перабросилась — слезала меня калейкой фабрика Маркуса.

В эти годы еще больше полюбила я, что значил наша власть, наша страна, наша партия. В эти годы полюбила я, что они дали мне самое лучшее, самое дорогое — свободу.

г. Курск.